

УДК 94(437)

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.119-132

ШКОЛА ГОЛЛА В ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (конец XIX – первые десятилетия XX в.)

Т.В. Гимадеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается феномен школы Голла – одного из крупнейших явлений в истории чешской историографии. Прошедшие в конце XIX в. через исторический семинар на Чешском философском факультете университета в Праге, ученики Я. Голла, составив первое поколение чешских историков-профессионалов, на протяжении полувека определяли облик исторической науки Чехии. Впервые явление школы Голла анализируется с привлечением теоретико-методологических подходов, сформированных в российской науке при изучении схолярной проблематики в контексте истории отечественной историографии, что сделало возможным обратиться к социальным и антропологическим аспектам феномена школы Голла. Это позволило прийти к выводу о существовании школы Голла как лидерской научно-педагогической школы, обладающей основными элементами, присущими научной школе как социальной группе. Существенная дифференциация тематики исследований и методологических подходов внутри школы объясняется широтой задачи пересмотра концепции Ф. Палацкогго, поставленной Я. Голлом перед своими учениками. При этом Я. Голл не препятствовал самостоятельным научным поискам своих учеников и старался сглаживать конфликты внутри школы, что позволило сохранять ее единство вплоть до драматических событий Первой мировой войны.

Ключевые слова: история исторической науки, история Чехии, научные школы, школа Голла, конец XIX – начало XX в.

Одним из крупнейших феноменов в истории исторической науки Чехии как таковой и определяющим фактором ее развития в конце XIX – начале XX в. является школа Голла, выросшая из семинара **Ярослава Голла** (1846–1929) на Чешском философском факультете университета в Праге. Представители школы Голла определяли облик чешской историографии на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до начала Второй мировой войны.

Отечественная историография практически не обращалась к данной тематике – само понятие «школа Голла» встречается в русскоязычной литературе лишь спорадически [1, 2]. Напротив, в чешской историографии проблематика школы Голла относится к числу наиболее часто разрабатываемых вопросов истории исторической науки Чехии в целом. Словосочетание «школа Голла» возникает, с подачи самого Я. Голла [3, s. 170–171], уже на рубеже XIX – XX вв., когда большинство его учеников лишь только входили в период научной зрелости. Практически с самого начала оно использовалось как ими самими, так

и критиками школы [4, s. 175; 5]. Научное исследование школы Голла разворачивается уже в период 50–80-х годов XX в. Из числа прочих ученых, изучавших феномен школы Голла на этом этапе, стоит выделить имена Карла Казбунды, Ярослава Марека, Томаша Войтеха и Вацлава Краля [3; 6–9]. Наибольшее распространение обрела позиция Я. Марека, сводящаяся к двум основным тезисам. Во-первых, Я. Марек защищал представление о совокупности учеников Я. Голла как о научной школе, во-вторых, отстаивал ее позитивистскую направленность. Эта точка зрения оставалась доминирующей и в 90-е годы, после смены режима в стране.

Нулевые годы XXI в. будут отмечены попытками пересмотра теории Я. Марека. Самую серьезную предпримет Богумил Ироушек, написавший свою версию биографии Я. Голла, существенно отличающуюся от изложенной Я. Марек в начале 90-х годов XX в. Б. Ироушек выдвинул тезис о том, что школы Голла как таковой не существовало, назвав представление о ней мифом, сконструированным Я. Голлом вместе со своими учениками. Существование школьной идентичности и представлений о принадлежности к научной школе в среде ее представителей выступает у него не как доказательство факта существования школы, а как его опровержение [10, s. 17–42]. Здесь нужно отметить, что теоретико-методологические основы, с которыми чешская историография подходит к изучению схолярной проблематики, коренным образом отличаются от установившихся в последние десятилетия в отечественной исторической науке. Можно констатировать, что антропологический «взрыв» [11, с. 166], столь хорошо заметный в нашей историографии последних десятилетий, на представлениях чешских коллег почти не сказался. В основе представлений о научной школе в чешской историографии лежат признаки, присущие традиционной модели научных школ. Рассмотрение научной школы как социальной группы в чешской историографии пока не укоренилось. Б. Ироушек, не увидев в методологии Я. Голла достаточной новизны, а в тематике и методике исследований его учеников – однозначного единства, сделал вывод, что и «школы Голла» в действительности не существовало, и его тезисы были в основном поддержаны. Наиболее ярко высказался на этот счет автор большой монографии Милан Духачек, который охарактеризовал термин «школа Голла» как «проклятый» [12, s. 11]. Как правило, сейчас в работах чешских историков употребляется термин «ученики Я. Голла», а к словосочетанию «школа Голла» прикрепилось местоименное выражение «так называемая» [13, s. 23; 14, p. 23–24].

Еще одной проблемой, поднятой в последние годы, является проблема определения методологии Я. Голла и его учеников. В 50–80-х годах XX в. усилиями уже упоминавшихся нами выше авторов за школой Голла закрепились характеристика «позитивистской». Вопрос о правомерности такого обозначения в последние десятилетия был поднят Милошом Гавелкой и Романом Паздерским, справедливо указавшими на некоторые нестыковки данного определения применительно как к самому Я. Голлу, так и к его ученикам [15; 16, s. 15–39]. Мы считаем, что настоящая проблема заслуживает более широкого освещения в контексте не столько самой школы Голла, сколько всей чешской историографии XIX – начала XX в. Позволим себе лишь обратить внимание на позицию

Т. Войтеха, который, характеризуя Я. Голла и его учеников как позитивистов, указывал на их методологический эклектизм [8, с. 9–27].

В настоящей работе мы считаем более важным сосредоточиться на вопросе о существовании школы Голла как таковой. Данную задачу мы попытаемся решить с привлечением достижений российских исследователей схолярной проблематики, изучающих ее на материале отечественной историографии. Отдельно стоит выделить двух авторов: Г.П. Мягкова, известного детальной разработкой феномена «русской исторической школы» [17, 18], и А.В. Свешникова, исследователя петербургской школы медиевистов начала XX в., автора антропологической модели научной школы как социальной группы [19, с. 37–40; 11, с. 192–194].

Рассмотрение феномена школы Голла невозможно без обращения к фактам биографии и научно-педагогической деятельности самого основателя школы. Родившийся 14 июля 1846 г. Ярослав Голл был выходцем из обеспеченной семьи Адольфа Голла, личного врача графов Кинских. Семья Голла входила в чешские аристократические и интеллигентские круги, с детства маленький Ярд общался с такими деятелями чешского национального возрождения, как писатели Божена Немцова и Карл Яромир Эрбен [7, с. 12–31]. Вдохновленный их примерами, он и сам хотел стать писателем, а получение основательного образования – сначала в гимназиях в Градце-Кралове, Младе-Болеславе и наконец в Праге, а потом и в Пражском университете – рассматривалось им в свете развития достаточного кругозора для занятия литературной деятельностью [20]. Преподавателям истории философского факультета Пражского университета – **Константину фон Гёфлеру** (1811–1897) и **Вацлаву Владивою Томеку** (1818–1903), разглядевшим талант Я. Голла, было тяжело убедить его продолжить занятия историей. И после получения в 1870 г. степени доктора (не требовавшей тогда в Австрии защиты диссертации) Я. Голл тяготился занятиями историей [7, с. 28].

Уже названным нами К. фон Гёфлеру и В.В. Томеку удалось склонить Я. Голла к написанию хабилитационной работы, условием чего выступила научная стажировка. По настоянию К. фон Гёфлера 1871/72 учебный год Я. Голл провел в Гёттингенском университете, где посещал знаменитый семинар **Георга Вайца** (1813–1886) [6, с. 386–387]. Я. Голл не застал ни первого пражского исторического семинара, который В.В. Томек проводил в 1852–1854 гг. и вынужденно закрыл из-за отсутствия финансовой поддержки [21], ни семинарских занятий К. фон Гёфлера, начавшихся только в 1873 г. [6, с. 362]. Гёттингенский семинар, устроенный по образцу семинара великого немецкого историка, учителя Г. Вайца – **Леопольда фон Ранке** (1795–1886), был посвящен критике и интерпретации исторических источников по истории средневековой Германии. Я. Голл перенимает как методику критики исторических источников Г. Вайца, так и его почерк, прежде всего – сдержанность и осторожность в выводах [7, с. 81–87]. Помимо этого, в Гёттингене Я. Голл завел много полезных знакомств, важнейшим из которых стала дружба с выдающимся французским историком **Габриэлем Моно** (1844–1912), основателем журнала “Revue historique” («Исторический журнал») [7, с. 88–89; 17, с. 102].

После года в Гёттингене Я. Голл еще два года путешествовал по Европе. Год он провел в Берлине, работая секретарем **Джорджа Банкрофта** (1800–1891), посла США в Германии и крупного американского историка, после чего продолжил

поездку по Нидерландам, Франции и Великобритании, собирая материал для своей диссертации об англо-французских отношениях в 1624–1625 гг., которую он защитил по возвращении в Прагу в 1875 г. [7, с. 90–116].

С этого момента всю научную биографию Я. Голла можно, вслед за Р. Паздерским, разделить на 5 этапов [16, с. 71–110]. На первом этапе, продолжившемся до середины 1880-х гг., Я. Голл разрабатывал историю Чешского братства, опубликовав сначала критическое собрание источников по истории общины, а в 1883–1886 гг. издав в журнале “*Časopis Musea království České*” («Журнал музея Чешского королевства») работу “*Jednota bratrská v 15. století*” («Братская община в XV в.») (Goll7; Goll5). На этом этапе Я. Голл постепенно укреплял свои институциональные позиции – в 1880 г. он устраивается в Пражский университет экстраординарным профессором, в 1882 г., после раздела университета на чешскую и немецкую части, переходит на Чешский философский факультет, а в 1885 г., наконец, становится ординарным профессором [7, с. 117–140].

Во второй половине 80-х годов XIX в. Я. Голл вовлекается в знаменитый «спор о рукописях», выступив совместно с социологом **Томашом Гарригом Масариком** (1850–1937) и филологом **Яном Гебауэром** (1838–1907) с разоблачением подложности Краледворской и Зеленогорской рукописей, что приводит к конфликту с кругами музея Чешского королевства и фактическому запрету на публикации в большинстве чешских научных изданий [7, с. 158–174]. Лишь в журнале “*Athenaeum*” («Афиней»), издателем которого был сам Т.Г. Масарик, ему удастся опубликовать работу “*Dějiny a dějepis*” («История и историописание»), ставшую программной для всей школы Голла. В ней он выступает с апологией усвоенных им в Гёттингене ранкианских позиций, заявляя, что целью исторической науки является «показать, как всё происходило на самом деле»¹ (Goll3, s. 12). Он критиковал идеи философии истории и сближения исторической науки и социологии, считая, что это открывает дорогу искажению исторических фактов. Я. Голл, полагал, что на данном этапе задача исторической науки состоит в выявлении фактов с опорой на критику исторических источников, расценивая возможный синтез на основе идей культурной истории как дело отдаленного будущего (Goll3, s. 9–16).

С самого начала 1890-х гг. Я. Голла занимает работа над крупнейшей в его жизни 313-страничной монографией “*Čechy a Prusy ve středověku*” («Чехия и Пруссия в Средневековье»), посвященной истории взаимоотношений между Чехией, Польшей и другими государствами региона в Высокое Средневековье (Goll2). Работа увидела свет лишь в 1897 г., что явилось следствием тяжелого личностного кризиса, связанного со смертью сына **Марселя** (1886–1891), и вызванной им тяжелой болезнью, едва не стоившей Я. Голлу зрения. После чего ученый, едва перешагнувший 50-летний порог, будет избегать крупных исследовательских проектов [7, с. 224].

После издания этой работы Я. Голл активно рефлексировал о судьбах чешской историографии, превратив широко отмечаемый в 1898 г. столетний юбилей историка и политика **Франтишка Палацкого** (1798–1876) в трибуну для

¹ Я. Голл приводит цитату Л. Фон Ранке в немецком оригинале, русский перевод по: Савельева И.М., Полетаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 81.

своих выступлений. Во-первых, Я. Голл публично порывает с Т.Г. Масариком, выступившим в работе 1895 г. “*Česká otázka*” («Чешский вопрос»)² с теорией о преемственности между эпохой гуситского движения и чешского национального возрождения, которую Я. Голл считал тенденциозной и антинаучной, тем самым присоединившись к начинающемуся «спору о смысле чешской истории» [22]. Во-вторых, ученый излагает исследовательскую программу для своих учеников, постепенно входящих в период научной зрелости. Ее он видел, собственно, в пересмотре с современных позиций романтической концепции чешской истории Ф. Палацко, опиравшейся на уже разоблаченные Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, а также на идею диалектической борьбы славянства и германизма (Goll6; Goll4).

В последних своих работах Я. Голл всё чаще обращается к вопросам новой и новейшей истории, что отражало его возрастающее вовлечение в политику, начавшееся с преподавания истории принцу Карлу Йозефу Франциску, будущему императору **Карлу I** (1887–1922), и продолжившееся назначением его депутатом верхней палаты Рейхсрата в 1910 г. [7, s. 270–276].

Важнейшим фактом педагогической же деятельности Я. Голла стало продолжавшееся 25 лет, с 1882 по 1907 гг., руководство историческим семинаром Чешского философского факультета, из которого фактически и выросла сама школа Голла. Отмечаемый современниками талант Я. Голла как лектора по всеобщей истории лишь привлекал внимание к его семинару. Именно семинар Я. Голла, а не его лекции, стали важнейшей школообразующей практикой.

Итак, вынашиваемую еще со времен семинара в Гёттингене идею создания исторического семинара Я. Голл реализовал сразу после отделения Чешского университета, в 1882 г. Выделение Чешского университета было важным событием в истории страны, завершив процесс формирования национальной образовательной системы, дав старт процессу профессионализации чешской науки [7, s. 134–140].

Через семинар Я. Голла, по обыкновению проходивший по утрам в субботу в прилегающей к его кабинету аудитории № 8 пражского Клементинума, проходили практически все интересующиеся историей студенты-второкурсники Чешского философского факультета, хотя Я. Голл формально и был руководителем семинара лишь по всеобщей истории, в то время как семинар по отечественной (австрийской) истории и вспомогательным историческим дисциплинами до самой смерти возглавлял **Йозеф Эмлер** (1836–1899) [7, s. 139–140]. Фактически, однако, Я. Голл обладал определенной свободой при выборе тем для семинарских занятий.

Не всегда, тем не менее, он сам пользовался ею в равной степени. В первые несколько лет работы семинара, когда Я. Голл параллельно изучал историю Чешского братства, занятия носили во многом общеобразовательный характер, часто были посвящены античным источникам – таким, как «Германия» Тацита или «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря [3, s. 56–63]. Студенты, прошедшие через семинар в этот период, не стали собственно учениками Я. Голла. Не найдя места в университете, они стали школьными учителями, как

² Masaryk T.G. *Česká otázka: snahy a tužby národního obrození*. Praha: Čas, 1895. 246 s.

Франтишек Каменичек (1856–1930) и **Франтишек Шуян** (1859–1944), или архивистами, как **Войтех Яромир Новачек** (1852–1916), **Вацлав Кратохвил** (1861–1919) [7, s. 182].

Кардинально иной характер семинарские занятия Я. Голла принимают в конце 80-х годов XIX в., когда он начинает крайне серьезно подходить к вопросу превращения своего семинара в центр подготовки кадров для чешской историографии. Программную работу «История и историописание» он публикует именно для своего семинара, с 1889 г. начиная каждый новый цикл занятий с чтения этой статьи. На протяжении большей части года студенты, число которых не превышало тогда 12–15 человек, разбирали источники по средневековой истории. В основном это были источники по зарубежной истории: например, хроники Фредегара Схоластика, Видукинда Корвейского, Титмара Мерзебургского и Великая хартия вольностей. Но часто Я. Голл обращался и к источникам чешской истории – к Золотой булле Карла IV, к хронике Лаврентия из Бржезовой, к отдельным документам эпохи Пржемысла Отакара II [3, s. 56–63, 160–163], а также и к источникам по тематике собственных исследований – так, Я. Бидло вспоминал, что во время работы над книгой о чешско-польских отношениях Я. Голл давал ученикам на разбор хронику Длугоша [23, s. 664], а Й. Шуста описывал, как студенты исправляли ошибки в издании переписки Цёлека, епископа познанского в период 1428–1437 гг. [24, s. 68]. Завершался годовой цикл семинарских занятий защитой письменных семинарских работ, где студенты демонстрировали приобретенные за год навыки на примере самостоятельно выбранной темы. Авторы лучших работ получали стипендию, кроме того, такие работы Я. Голл старался опубликовать. Эти годы были периодом расцвета семинара, когда через него полностью прошло первое и частично – второе из трех обычно выделяемых поколений школы Голла. К старшему поколению относят ведущих представителей школы Голла: **Ярослава Бидло** (1868–1937) **Вацлава Новотного** (1869–1932), **Йозефа Пекаржа** (1870–1937) и **Йозефа Шусту** (1874–1945). Из представителей второго поколения школы в этот период через семинар успели пройти **Камиль Крофта** (1876–1945) и **Юлиус Глюклих** (1876–1950) [8, s. 12–13].

Судьбоносным в истории семинара стало постановление от 30 августа 1897 г., приравнявшее письменную семинарскую работу к выпускной. Это приводит к резкому росту числа посетителей семинара, многие из которых подходили к занятиям более формально, чем прошлые ученики Я. Голла, которые нередко приходили на семинар с опытом архивной работы. Уже в 1898 г. число студентов возрастает до 41, а к 1902 г. достигает 68. Вследствие этого семинар частично вновь обретает общеобразовательный характер, происходит возвращение к античным источникам. Я. Голлу также приходится брать помощников из числа бывших «семинаристов» – в 1899 г. им станет заменивший Й. Эмлера Й. Пекарж, позже к нему присоединится Й. Шуста. С 1901 г. семинар будет разделен на два года, на втором курсе занятия вели помощники Я. Голла, а сам Я. Голл вел их лишь на третьем [3, s. 358–361]. В этот период через семинар проходят младшие представители второго поколения школы Голла – **Рудольф Урбанек** (1877–1962) и **Зденек Неedly** (1878–1962), успевшие посетить семинар Я. Голла на пороге перемен, в 1897/98 учебном году. В основном же студентов

этого периода называют «учениками учеников Голла». Ими стали, например, **Властимил Кибал** (1880–1958), ученик В. Новотного и **Вацлав Халоупецкий** (1882–1951), ученик Й. Пекаржа.

Семинарские занятия Я. Голл прекратит в 1907 г. 25-летнее руководство семинаром фактически заложило основу школы Голла. Посредством семинара Я. Голл прививал студентам свои теоретические взгляды, методологические установки и способ научного мышления. И сами студенты называли впоследствии семинар своей научной школой. Я. Голл также получал возможность отбора студентов для последующего сотрудничества в докторантуре и доцентуре. Семинарские занятия Я. Голла станут ключевой школообразующей практикой школы Голла.

Другой важной школообразующей практикой станут зарубежные стажировки. Памятуя о своем гёттингенском опыте, Я. Голл стремится еще в студенчестве отправить своих студентов за рубеж. Основными направлениями станут Париж, где у Я. Голла были как старые связи с Габриэлем Моно, так и новые с известным французским богемистом **Эрнестом Дени** (1849–1921), и Рим, в котором действовал филиал венского Института исторических исследований, командировку в который Я. Голлу было легко обеспечить благодаря дружбе с **Антонином Резеком** (1853–1909), профессором Чешского университета, с 1896 г. постоянно занимавшим должности в австрийском кабинете министров. В Париже стажировались З. Неэдлы, Ю. Глюклих, В. Кибал, в Риме – В. Новотный, Й. Шуста, К. Крофта. Многие ученики Я. Голла стажировались также в самом венском Институте либо в университетах Германии и Австро-Венгрии, отдельные достигали Великобритании и России [7, s. 255–270]. В зарубежных командировках ученики Я. Голла (зачастую разных возрастов) сталкивались друг с другом, устанавливали связи с зарубежными коллегами, знакомились с передовыми достижениями современной европейской историографии.

Еще одной школообразующей практикой станет совместная издательская деятельность. Из-за конфликта Я. Голла с Чешским музеем и Королевским обществом наук и искусств его ученики будут фактически оторваны от ведущих чешских научных изданий. Сами ученики Я. Голла в 1894 г. предложат ему создать первый в стране рецензируемый научный исторический журнал, которым станет выходящий с начала 1895 г. ежеквартальник “*Český časopis historický*” («Чешский исторический журнал»). Главными редакторами журнала станут Я. Голл и А. Резек, с 1897 г. А. Резека сменит Й. Пекарж. Фактически вся редакция журнала была заполнена учениками Я. Голла, их же работы составляли большую часть содержания журнала [7, s. 182–185]. В 1904 г., когда журнал будет находиться на грани закрытия, они же возьмут на себя почти весь спектр издательских работ – после отказа издательства “*Bursík & Kohout*” публиковать “*Český časopis historický*” из-за его убыточности ученики Я. Голла реорганизуют «Исторический клуб» из находящегося в упадке студенческого круга в научное общество с собственным издательством³. Оно возьмет на себя публикацию журнала, там же будет выходить большинство монографий представителей школы Голла, а также юбилейные сборники 1906 и 1916 гг.

³ Kalista Z. Josef Pekař. Praha: Torst, 1994. S. 45–48.

Широко отмечаемые в 1906 и 1916 гг. юбилеи Я. Голла также будут школообразующей практикой, направленной на демонстрацию школьной идентичности и лояльности к учителю. В 1906 г. юбилей сопровождался изданием сборника статей учеников Голла⁴, а в 1916 г. – сборником работ самого Я. Голла (Goll1).

К числу школообразующих практик стоит также отнести и переписку как между Я. Голлом и его учениками, так и между ними самими. Следует отметить, что корреспонденты в большинстве случаев старались сохранять некоторую дистанцию в переписке, ограничиваясь обсуждением рабочих вопросов. Впрочем, имелись и обратные примеры, как, например, переписка Я. Голла со своим любимым учеником – Й. Пекаржем, которая касалась широчайшего круга вопросов от науки и искусства до личной жизни (LÚP).

Таков круг основных школообразующих практик школы Голла. Нужно отметить, что если семинар, командировки и издательская деятельность будут более устойчивыми формами, то юбилеи, переписка и собрания, напротив, покажут восприимчивость к внутренним конфликтам в школе Голла.

Внешние конфликты, прежде всего – «спор о рукописях», привлекали к Я. Голлу учеников и спланивали их, играя мобилизующую роль. Но единство школы подтачивали внутренние конфликты, в основном имевшие место в середине 1900-х годов и связанные с нехваткой рабочих мест в университете. Хотя Я. Голл и стремился заполнить все исторические кафедры университета своими учениками, обеспечить места для всех из них было объективно невозможно, и тогда он оказывался в довольно щекотливой ситуации выбора. В 1904–1906 гг. это привело к тому, что бывшие почти ровесниками Я. Бидло, В. Новотный и Й. Пекарж, ведущие ученики Я. Голла, одновременно претендовали на одни и те же должности, но в итоге ординарную профессию получил лишь Й. Пекарж, Я. Бидло оставалось довольствоваться профессурой экстраординарной, а В. Новотному и вовсе – титулярной [3, s. 280–282]. Ставший впоследствии выдающимся историком искусств **Макс Дворжак** (1874–1921) и вовсе не получил никакой должности в Праге. Это приводило к обострению конкуренции, взаимным обидам и обидам на учителя. Так, В. Новотный демонстративно не участвует в юбилее Я. Голла 1906 г., а М. Дворжак на несколько лет прекращает всякое общение с ним. Сам Я. Голл, говоривший, что «конфликты есть и будут»⁵ старался успокоить учеников и использовать открывшиеся перед ним лоббистские ресурсы для их устройства, что к концу 1900-х годов погасило конфликт: так, получив должность в Вене, М. Дворжак возобновляет переписку с Я. Голлом (хотя так и не возвращается в ряды его школы), а В. Новотный вновь вместе со всеми «ходит на пиво» после собраний «Исторического клуба» (KZN, s. 54; LÚP, s. 431, 558, 471).

К 10-м годам XX в. становится отчетливой тенденция дифференциации внутри школы Голла. Постепенно становясь независимыми от учителя, с головой погружавшегося в политическую деятельность, ученики расходятся по разным научным дорогам. Старшие ученики образуют внутри школы две линии, к которым тяготело младшее поколение, состоявшее уже из их учеников. Й. Пекарж

⁴ Sborník prací historických: K šedesátým narozeninám Jaroslava Golla / J. Bidlo, G. Friedrich, K. Krofta (edd.). Praha: Historický klub, 1906. 388 s.

⁵ Здесь и далее перевод наш – Т.Г.

и Й. Шуста, мировоззренчески и лично сохраняя близость с Я. Голлом, в ходе разработки проблем социальной и экономической истории обращаются к позитивистской методологии, с интересом смотрят и на идеи К. Лампрехта [6, s. 489–512]. В то же самое время Я. Бидло и В. Новотный, оставаясь в рамках проблематики религиозной истории страны – основной тематики работ Я. Голла – и сохраняя его методологические взгляды, напротив, мировоззренчески отдаляются от учителя, заняв более либеральные позиции [6, s. 540–551]. Представители второго поколения учеников Я. Голла склонялись к индивидуальным подходам – как К. Крофта, занявший среднюю позицию между этими двумя линиями, либо же, как З. Неedly и Ю. Глюклих, выработавшие особые взгляды в ходе изучения проблематики музыкальной истории и истории философии соответственно [6, s. 519–524, 551–560, 525–527].

Подобное расхождение часто служит основанием для утверждений, что в силу столь широкой вариативности и тематических интересов, и методологических подходов говорить о школе Голла как о научной школе нельзя. На наш взгляд, данный подход не учитывает своеобразие ситуации, сложившейся в этот период в чешской историографии. Цель пересмотра концепции Ф. Палацкогo, а значит, и практически всех существовавших до этого в чешской историографии исследовательских подходов, Я. Голл ставит перед первым в стране поколением профессиональных историков. Для решения такого широкого круга задач, осложняемого к тому же установкой Я. Голла на отказ от преждевременного создания новой обобщающей концепции, требовалась существенная степень специализации внутри школы, из чего вытекало и многообразие подходов. Сам Я. Голл, понимая это, терпимо относился к размежеванию в рядах своих учеников, поддерживая их и призывая: «Делай, что хочешь, но пиши мне, что об этом думаешь» (LÚP, s. 557). Ситуация, в которой оказался Я. Голл, видится сравнимой с положением **Владимира Ивановича Герье** (1837–1919), столкнувшегося с необходимостью развернуть подготовку кадров для исследования проблем всеобщей истории [18, с. 641–644]. Так и Я. Голл создавал национальную систему подготовки исторических кадров и ориентировал ее на решение самого широкого круга задач.

Эти обстоятельства, вкупе с наличием у школы Голла основных элементов, присущих научной школе как социальной группе [19, с. 37–40]: неформального характера объединения; сплочения в своих рядах ученых, занимающихся одной академической дисциплиной; определенной социальной структуры; сформулированной Я. Голлом идеологии школы; устойчивой, поддерживаемой и признаваемой извне школьной идентичности; вариативной общности научной проблематики и методологии; и наконец, набора школообразующих практик, позволяют нам зафиксировать факт существования школы Голла как лидерской научно-педагогической школы. Многообразие в рядах школы, вызванное необходимостью решения широкого круга научных задач, не противоречило движению к общей цели, поставленной Я. Голлом – пересмотру предыдущих концепций чешской истории с учетом новых исследовательских подходов.

До определенной поры Я. Голлу удавалось поддерживать единство школы. Его же действия, однако, приведут и к ее распаду. Политическая карьера Я. Голла в Рейхсрате, начавшаяся под лозунгом борьбы за Второй Чешский университет,

довольно быстро привела его на крайне консервативные позиции, особенно обострившиеся с началом Первой мировой войны. Своей яростной апологией действий центрального правительства, Я. Голл фактически противопоставил себя чешскому национальному движению. Я. Голл и Й. Пекарж единственными из чешских историков отказываются подписать весной 1917 г. автономистский «Манифест чешских писателей», при этом Я. Голл выступит в прессе с нападками на подписантов манифеста, после чего от него отворачиваются практически все его ученики [7, s. 270–278]. 28 октября 1918 г., день независимости Чехословакии, стал для Я. Голла днем жизненного краха. Он был вынужден оставить занимаемые им еще посты в «Историческом клубе» и своем журнале. Школа Голла фактически распадается. 14 июля 1929 г. Я. Голл умирает разочарованным, бедным и забытым стариком. Впрочем, за смертью ученого следует его стремительная реабилитация и признание научно-педагогических заслуг [7, s. 280–285].

Как бы то ни было, несмотря на распад школы, Я. Голлу удалось своими глазами увидеть реализацию замыслов. Его бывшие ученики на протяжении всего межвоенного периода были ведущими фигурами чехословацкой историографии. Ученики и «ученики учеников» Я. Голла опираются именно на его пример и основывают исторические семинары в новых университетах Чехословакии – в Брно и Братиславе [6, s. 691–701]. Жаркая дискуссия 1934 г. между Й. Пекаржем и Р. Урбанеком вокруг пятисотлетия Липанской битвы была фактически спором двух разных восприятий одной установки Я. Голла на пересмотр концепции Ф. Палацко. И даже те ученики Я. Голла, которые стали в новом государстве скорее политиками, чем историками, как К. Крофта и Й. Шуста, использовали свои лоббистские возможности для помощи в развитии исторической науки. Ученики Я. Голла определили весь облик межвоенной чехословацкой историографии. По А.В. Свешникову, возникла ситуация, когда ученики переросли своего учителя и во многом – переросли и ограничения самой школы [19, с. 328–330]. В данном случае, в силу различных обстоятельств, ситуация решилась через политически мотивированный распад школы, который вывел уже чехословацкую историографию на новую ступень развития.

Источники

- Goll1 – *Goll J. Chelčický a Jednota v XV století* / K. Krofta (ed.). – Praha: Historický klub, 1916. – 327 s.
- Goll2 – *Goll J. Čechy a Prusy ve středověku*. – Praha: Bursík & Kohout, 1897. – 313 s.
- Goll3 – *Goll J. Dějiny a dějepis // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné: ve 2 dílech*. – Praha: Historický klub, 1928. – Díl 1. – S. 1–27.
- Goll4 – *Goll J. František Palacký // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné: ve 2 dílech*. – Praha: Historický klub, 1928. – Díl 1. – S. 39–112.
- Goll5 – *Goll J. Jednota bratrská v 15. století // Goll J. Chelčický a Jednota v XV století* / K. Krofta (ed.). – Praha: Historický klub, 1916. – S. 43–247.
- Goll6 – *Goll J. Palackého program práce historické // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné: ve 2 dílech*. – Praha: Historický klub, 1928. – Díl 1. – S. 28–38.
- Goll7 – *Goll J. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder: 2 Bd.* – Prag: J. Otto. – Bd. 1. – 1878. – 143 s.; Bd. 2. – 1882. – 96 s.

KZN – Korespondence Zdeňka Nejedlého s českými historiky / J. Hanzal, B. Svadbová (eds.). – Praha: Academia, 1978. – 178 s.

LÚP – Listy úcty a přátelství: vzájemná korespondence Jaroslava Golla a Josefa Pekaře / J. Klik (ed.). – Praha: Vyšehrad, 1941. – 713 s.

Литература

1. Глушко Е.В. Из истории одного научного спора, или о любви // Диалог со временем. – 2007. – № 18. – С. 97–118.
2. Историография истории южных и западных славян. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 264 с.
3. Kazbunda K. Stolicе dějin na pražské universitě: ve 4 částech. – Praha: Univ. Karlova, 1968. – Č. 3: Stolicе dějin na české universitě od zřízení university do konce rakousko-uherské monarchie (1882–1918). – 452 s.
4. Nejedlý Z. Jaroslav Goll: několik gloss // Pražská lidová revue. – 1906. – Roč. 2, №. 8–9. – S. 175–178.
5. Herben J. Masarykova sekta a Gollova škola. – Praha: Pokrok, 1912. – 142 s.
6. Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. – Praha: Lidové noviny, 2009. – 1087 s.
7. Marek J. Jaroslav Goll. – Praha: Melantrich, 1991. – 360 s.
8. Vojtěch T. Česká historiografie a pozitivismus. – Praha: Academia, 1984. – 168 s.
9. Král V. Zdeněk Nejedlý a Gollova škola. – Praha: Univ. Karlova, 1986. – 191 s.
10. Jiroušek B. Jaroslav Goll: role historika v české společnosti. – České Budějovice: Jihočeská univ., 2006. – 245 s.
11. Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // J. Mod. Russ. Hist. Historiogr. – 2013. – Т. 6, № 1. – С. 158–201.
12. Václav Chaloupecký a generace roku 1914 / M. Ducháček, J. Bílková (eds.). – Praha: Ústav dějin a Archiv UK, 2018. – 436 s.
13. Jiroušek B. Historik Jaroslav Goll a jeho místo v českém dějepisectví // Jaroslav Goll a jeho žáci / B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümlová (eds.). – České Budějovice: Jihočeská univ., 2005. – S. 9–24.
14. Kalhous D. Legenda Christiani and Modern Historiography. – Leiden; Boston: Brill, 2015. – 166 p.
15. Havelka M. Rec. na knihu: Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2009. 1088 s. [Recenze] // Dějiny – Teorie – Kritika. – 2009. – Roč. 6, № 2. – S. 380–387.
16. Pazderský R. Gollův styl: studie k historickému myšlení Jaroslava Golla. – Praha: Karolinum, 2018. – 258 s.
17. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 298 с.
18. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 572–644.
19. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. – 415 с.

20. Čechura J. Historikem z nouze? Sebereflexe šedesátky Jaroslava Golla // Jaroslav Goll a jeho žáci / B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümllová (eds.) – České Budějovice: Jihočeská univ., 2005. – S. 283–292.
21. Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science between Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies // Hung. Hist. Rev. – 2016. – V. 5, No 2. – P. 250–276.
22. Коля А.Ф. Спор о смысле чешской истории и дискуссия о корнях Европы // Европа = Europa. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 47–73.
23. Bidlo J. Moje styky s Gollem // Jaroslav Goll a jeho žáci / B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümllová (eds.) – České Budějovice: Jihočeská univ., 2005. – S. 657–686.
24. Šusta J. Vzpomínky: ve 2 částech. – Praha: ČSAV. – Č. 2: Mladá léta učňovská a vandrovní. – 1963. – 452 s.

Поступила в редакцию
05.10.2019

Гимадеев Тимур Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Timur.Gimadeev@protonmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 1, pp. 119–132

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.119-132

Jaroslav Goll's School in the Czech Historiography (Late 19th – Early 20th Centuries)

T.V. Gimadeev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: Timur.Gimadeev@protonmail.com

Received October 5, 2019

Abstract

Jaroslav Goll's school, a noticeable phenomenon of the Czech historiography, was discussed. This school arose from J. Goll's historical seminar at the Czech Faculty of Philosophy in Prague in the late 19th century. J. Goll's students, the first generation of Czech professional historians, defined the Czech historical science development during the subsequent 50 years.

The phenomenon of J. Goll's school was for the first time analyzed based on the approaches of the contemporary Russian historiography. The anthropological and social aspects of J. Goll's school were considered. Some facts of J. Goll's biography were also mentioned. It was concluded that J. Goll's school was a strong and leading scientific and pedagogical school. It had the basic elements of a scientific school as a social group. A great variety of research themes and methodological approaches within the school was determined by the wide range of problems covered by its research program. The revision of F. Palacký's concept of Czech history initiated by J. Goll required multilateralism within the school. J. Goll did his best to preserve the school unity up to the World War I.

Keywords: history of historiography, Czech history, scientific schools, J. Goll's school, late 19th – early 20th centuries

References

1. Glushko E.V. From the history of a scientific debate or about love. *Dialog so Vremenem*, 2007, no. 18, pp. 97–118. (In Russian)
2. *Istoriografiya istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Historiography of the History of Southern and Western Slavs]. Moscow, Izd. MGU, 1987. 264 p. (In Russian)
3. Kazbunda K. *Stolice dějin na pražské universitě*. Č. 3: Stolice dějin na české universitě od zřízení university do konce rakousko-uherské monarchie (1882–1918). Praha, Univ. Karlova, 1968. 452 s. (In Czech)
4. Nejedlý Z. Jaroslav Goll: několik gloss. *Pražská lidová revue*, 1906, roč. 2, nos. 8–9, s. 175–178. (In Czech)
5. Herben J. *Masarykova sekta a Gollova škola*. Praha, Pokrok, 1912. 142 s. (In Czech)
6. Kutnar F., Marek J. *Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví*. Praha, Lidové noviny, 2009. 1087 s. (In Czech)
7. Marek J. *Jaroslav Goll*. Praha, Melantrich, 1991. 360 s. (In Czech)
8. Vojtěch T. *Česká historiografie a pozitivismus*. Praha, Academia, 1984. 168 s. (In Czech)
9. Král V. *Zdeněk Nejedlý a Gollova škola*. Praha, Univ. Karlova, 1986. 191 s. (In Czech)
10. Jiroušek B. *Jaroslav Goll: role historika v české společnosti*. České Budějovice, Jihočeská univ., 2006. 245 s. (In Czech)
11. Korzun V.P., Myagkov G.P. A historiographic reflection on scholarship in recent decades. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2013, vol. 6, no. 1, pp. 158–201. (In Russian)
12. *Václav Chaloupecký a generace roku 1914*. Ducháček M., Bílková J. (Ed.). Praha, Ústav dějin a Archiv UK, 2018. 436 s. (In Czech)
13. Jiroušek B. Historik Jaroslav Goll a jeho místo v českém dějepisectví. In: *Jaroslav Goll a jeho žáci*. Jiroušek B., Blüml J., Blümllová D. (Ed.). České Budějovice, Jihočeská univ., 2005, s. 9–24. (In Czech)
14. Kalhous D. *Legenda Christiani and Modern Historiography*. Leiden, Boston, Brill, 2015. 166 p.
15. Havelka M.. Rec. na knihu: Kutnar F., Marek J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha, Nakladatelství lidové noviny, 2009. 1088 s. [Recenze]. *Dějiny – Teorie – Kritika*, 2009, roč. 6, no. 2, s. 380–387. (In Czech)
16. Pazderský R. *Gollův styl: studie k historickému myšlení Jaroslava Golla*. Praha, Karolinum, 2018. 258 s. (In Czech)
17. Myagkov G.P. *Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt “russkoi istoricheskoi shkoly”* [The Academic Community in Historical Science: The Activity of the “Russian Historical School”]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2000. 298 p. (In Russian)
18. Ivanova T.N., Myagkov G.P. The phenomenon of V.I. Guerrier’s school: Communicative practices within the scientific knowledge. In: *Idei i lyudi: intellektual’naya kul’tura Evropy v Novoe vremya* [Ideas and Humans: European Intellectual Culture in the Modern Era]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2014, pp. 572–644. (In Russian)
19. Sveshnikov A.V. *Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud’ba nauchnogo soobshchestva* [Ivan Mikhailovich Grevs and the St. Petersburg School of Medievalists in the Early 20th Century. The Fate of Academic Community]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2016. 415 p. (In Russian)
20. Čechura J. Historikem z nouze? Sebereflexe šedesátky Jaroslava Golla. In: *Jaroslav Goll a jeho žáci*. Jiroušek B., Blüml J., Blümllová D. (Eds.). České Budějovice, Jihočeská univ., 2005, s. 283–292. (In Czech)
21. Řezník M. The institutionalization of the historical science between identity politics and the new orientation of academic studies. *Hungarian Historical Review*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 250–276.
22. Kola A.F. The debate about the meaning of Czech history and the roots of Europe. *Europa*, 2007, vol. 7, no. 1, pp. 47–73. (In Russian)
23. Bidlo J. Moje styky s Gollem. In: *Jaroslav Goll a jeho žáci*. Jiroušek B., Blüml J., Blümllová D. (Eds.). České Budějovice, Jihočeská univ., 2005, s. 657–686. (In Czech)

24. Šusta J. *Vzpomínky*. Č. 2: Mladá léta učňovská a vandrovní. Praha, ČSAV, 1963. 452 s. (In Czech)
-

⟨ **Для цитирования:** Гимадеев Т.В. Школа Голла в чешской историографии (конец XIX – первые десятилетия XX в.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 119–132. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.119-132. ⟩

⟨ **For citation:** Gimadeev T.V. Jaroslav Goll's school in the Czech historiography (late 19th – early 20th centuries). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 119–132. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.119-132. (In Russian) ⟩